

Три встрѣчи

(А. В. Колчакъ и Госуд. Дума)

Н. Савича

Въ Ноябрь 1907 г. собралась третья Государственная Дума. Настроение большинства было повышенное, ярко патриотическое. Однимъ изъ первыхъ актовъ народнаго представительства было образованіе комиссіи по государственной оборонѣ, подъ предсѣдательствомъ А. И. Гучкова, куда вошли наиболѣе дѣятельные, боевые члены фракцій, составлявшихъ большинство Гос. Думы. Названіе комиссіи опредѣляло кругъ ея вѣдѣній, а ея составъ предопредѣлялъ направленіе работъ всего законодательнаго учрежденія. Конечно, депутаты были либо штатскіе, либо отставные военные, давно отставшіе отъ военнаго и морского дѣла. Поэтому, прежде чѣмъ взять на себя смѣлость серьезныхъ рѣшеній, прежде чѣмъ предопредѣлить свое отношеніе къ ряду вопросовъ очень спеціальныхъ и всегда чрезвычайно отвѣтственныхъ, имъ пришлось много и спѣшно учиться, жадно впитывать въ себя массу свѣдѣній. Правительство Столыпина пошло намъ навстрѣчу. По указанію свыше, военное и морское министерства дѣлали все, чтобы освѣтить поставленные на очередь вопросы членамъ комиссіи, предоставить въ ихъ распоряженіе весь имѣющійся у вѣдомствъ матеріаль. Въ квартирѣ ген. Редигера (военнаго министра) мы впервые изъ первоисточника узнали о томъ ужасающемъ, поистинѣ катастрофическомъ, положеніи, въ которомъ находилось дѣло матеріальнаго снабженія и техническаго оборудованія арміи — послѣдствія неудачной войны и тяжелаго внутренняго кризиса. вмѣстѣ съ тѣмъ намъ представлены были проекты постепеннаго возстановленія военной мощи государства, рассчитанные на рядъ извѣстныхъ періодовъ, при чемъ каждый періодъ знаменовалъ опредѣленный, имѣющій самостоятельное крупное значеніе фазисъ развитія военныхъ силъ. Для подробнаго, въ деталяхъ, изученія входящихъ въ эти планы вопросовъ былъ организованъ длинный рядъ засѣданій членовъ комиссіи по оборонѣ съ назначенными министерствомъ чинами вѣдомства. То же самое происходило и въ области изученія положенія морской обороны и плана развитія морскихъ силъ. Докладчиками и свѣдующими лицами выступали молодые офицеры спеціалисты, чаще всего изъ состава Генеральнаго Штаба, военнаго или морского по принадлежности. Занятія шли отдѣльно по обоимъ вѣдомствамъ, но параллельно, т. к. намъ нужно было составить общій планъ финансированія дѣла развитія обороны государства. По морскимъ вопросамъ мы собирались то въ

Таврическомъ Дворцѣ, то въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, въ болѣе интимной обстановкѣ, на частныхъ квартирахъ, помнится, у Ю. Н. Милютинна и у А. А. Столыпина. Здѣсь офицеры морского штаба могли выступать съ полной откровенностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ числѣ наиболѣе боевыхъ и спорныхъ тогда вопросовъ было требованіе морского вѣдомства объ отпускѣ суммъ (120 милл.) на постройку четырехъ балтійскихъ дреднаутовъ. Около этого вопроса и въ обществѣ, и въ прессѣ, и въ военной средѣ, и даже среди самихъ моряковъ происходили горячіе споры. Естественно, эта неразбериха мнѣній имѣла живой откликъ среди членовъ законодательныхъ палатъ. Положеніе депутатовъ было трудное. Денегъ было мало, проектъ бюджета былъ сведенъ съ дефицитомъ въ суммѣ около 200 милліоновъ. Поэтому испрашиваемая морскимъ вѣдомствомъ сумма казалась колоссальной. При этомъ же позоръ японской войны, страшный ударъ, нанесенный нашему флоту при Цусимѣ, глубоко уязвили національное чувство общества, возлагавшаго всю отвѣтственность за происшедшее на «шпиць», на порядки и привычки, прочно гнѣздившіяся въ центральномъ учрежденіи морского министерства и въ его береговыхъ органахъ. Все, казалось, осталось тамъ по прежнему, отвѣтственнѣйшія мѣста продолжали занимать старики или люди, имя коихъ было связано съ недавнимъ не доброй памяти прошлымъ. Единственнымъ повшествомъ былъ организованный адм. Брусиловымъ новый органъ, Морской Генеральный Штабъ. Тутъ собралось все то лучшее изъ молодежи, что смогли выдѣлнить уцѣлѣвшіе остатки боевого флота. Тутъ кипѣла жизнь, работала мысль, закладывался фундаментъ возрожденія флота, вырабатывалось пониманіе значенія морской силы, законовъ ея развитія и бытія. Вотъ съ этими то элементами морского вѣдомства намъ и пришлось впервые столкнуться въ ноябрѣ 1907 года. Морское министерство умѣло, когда нужно, показать товаръ лицомъ, пустить пыль въ глаза. Дѣйствительно, первое впечатлѣніе отъ этихъ встрѣчъ было подкупающимъ. И среди этой образованной, убѣжденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко выдѣлялся молодой, невысокаго роста офицеръ. Его сухое, съ рѣзкими чертами лицо дышало энергіей, его громкій мужественный голосъ, манера говорить, держаться, вся виѣшность — выявляли отличительныя черты его духовнаго склада. волю, настойчивость въ достиженіи, умѣніе распоряжаться, приказывать, вести за собой другихъ, брать на себя отвѣтственность. Его товарищи по Штабу окружали его исключительнымъ уваженіемъ, я бы сказалъ даже, преклоненіемъ; его начальство относилось къ нему съ особымъ довѣріемъ. По крайней мѣрѣ во все для вѣдомства тяжелыя минуты — а такихъ ему пришлось тогда пережить много — начальство всегда выдвигало на первый планъ этого человѣка, какъ лучшаго среди штабныхъ офицеровъ оратора, какъ общепризнаннаго авторитета въ разбиравшихся вопросахъ. Этотъ офицеръ былъ капитанъ 1-го ранга Александръ Васильевичъ Колчакъ. Трудно было найти болѣе блестящаго защитника столь неблагоприятной задачи, каковая тогда была возложена морскимъ вѣдомствомъ на Колчака, именно отстоять требованіе объ ассигнованіи суммъ на постройку 4 броненосцевъ. Вся его блестящая эрудиція, знаніе вопроса, ораторскій талантъ, страстная убѣжденность фанатика своего дѣла, все это разбивалось о факты печальной дѣйствительности. Армія была въ буквальномъ смыслѣ раздѣта и лишена оружія (конечно, принимая въ расчетъ составъ военнаго времени, послѣ мобилизаціи), дефицитъ въ бюджетѣ, пустая государственная казна, все это заставляло насъ относиться съ величайшей осторожностью къ расходованію тѣхъ крохъ, кои мы надѣялись наскрести. Передъ нами было два требованія, двѣ задачи, два плана дѣйствій.

Одинъ былъ представленъ военнымъ вѣдомствомъ и требовалъ отпуска 300 милліоновъ, чтобы сдѣлать нашу армію хотя бы относительно боеспособной, другой — морского министерства, заключавшійся въ постройкѣ 4 кораблей. А если принять во вниманіе, что оздоровленіе, реорганизація береговыхъ учреждений морского вѣдомства тогда еще ни во что реальное не вылилось, что тамъ все оставалось по старому, всѣ старые привычки, навыки, пороки и даже люди были все тѣ же, что единственная свѣжая струя — морской генеральный штабъ — не успѣлъ еще получить рѣшающей, даже просто значительной, роли въ жизни и работѣ вѣдомства — то выборъ нашъ былъ простъ и рѣшителенъ. Все, что мы могли дать на дѣло обороны, мы рѣшили дать въ первую очередь военному вѣдомству.

На этой почвѣ произошло столкновеніе Гос. Думы съ морскимъ министерствомъ. И въ этомъ вопросѣ вся энергія морского генеральнаго штаба въ цѣломъ и Колчака въ частности, всѣ его дарованія и личное обаяніе не могли измѣнить принятаго рѣшенія. Комиссія по оборонѣ внесла опредѣленное и категорическое рѣшеніе — средства на постройку современнаго броненоснаго флота будутъ даны лишь тогда, когда прекрасныя слова и благія намѣренія морского генеральнаго штаба воплотятся или, по крайней мѣрѣ, начнутъ воплощаться въ дѣло, въ дѣйствительность, въ реальное осуществленіе реорганизации и реформы вѣдомства, всѣхъ его техническихъ и береговыхъ органовъ. Сами они, молодые моряки, очень убѣдительно показали и доказали намъ, что надо въ этомъ отношеніи сдѣлать, чего добиваться, каковы должны быть условія, при которыхъ отпущенныя народныя средства пойдутъ дѣйствительно на дѣло развитія мощи государства, а не для кормленія береговыхъ и тыловыхъ учреждений. То, что такъ блестяще доказывалъ А. В. Колчакъ, нами въ значительной степени было усвоено. Но для момента выводъ нашъ былъ діаметрально противоположный его выводу. Онъ и его товарищи рисовали картину, при которой начнется правильное развитіе морской силы, и для начала этого процесса требовали кредитовъ, говоря, что остальное само собой устроится. Мы требовали, чтобы процессъ реорганизации, возрожденія вѣдомства начался немедленно, вылился въ осязаемая формы, и только тогда мы согласились давать деньги. Колчакъ былъ страстнымъ защитникомъ скорѣйшаго возрожденія флота, онъ буквально сгоралъ отъ нетерпѣнія увидѣть начало этого процесса, онъ вкладывалъ въ созданіе морской силы всю свою душу, всего себя цѣликомъ, былъ въ этомъ вопросѣ фанатикомъ. И естественно съ нимъ происходили наиболѣе жаркія словесныя схватки; чаще всего ему оппонировать приходилось мнѣ. Мы оба — онъ и я — шли къ одной завѣтной цѣли — созданію боевого флота, способнаго выполнить тѣ заданія, кои на него будутъ возложены стратегической обстановкой вѣроятнаго конфликта. Но шли къ этой цѣли мы разными путями и отсюда неизбежность остраго конфликта мнѣній. При всемъ томъ наши личныя отношенія ни на одинъ мигъ не помрачались. Онъ былъ для меня авторитетомъ въ его спеціальности, человекомъ энергіи и знанія, качества столь рѣдкихъ у насъ вообще, а въ его средѣ въ особенности. Весною 1908 года Колчакъ проигралъ бой въ Гос. Думѣ. Но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ внесъ горячую свѣжую струю въ вѣдомство, его мысли стали достояніемъ многихъ, его знанія просвѣтили среду его сослуживцевъ и внесли опредѣленность и ясность въ вопросъ реорганизации флота. Я долженъ признать, что на мое, напримѣръ, отношеніе къ дѣлу развитія у насъ морской силы (мнѣ пришлось быть докладчикомъ по морской смѣтѣ вплоть до войны, вѣрнѣе, вплоть до революціи), Колчакъ того времени имѣлъ громадное вліяніе. Мнѣ пришлось на первыхъ порахъ съ нимъ бороться, но всѣ его аргументы, всѣ его

взгляды, всё его идеи глубоко запали в душу и в свое время принесли определенные плоды. Но если таково было влияние идей Колчака на его тогдашнего противника, лишь изрядка с ним встречавшагося, то можно судить, каково оно было на его сотрудников и соратников по оружию, на его подчиненных и даже на старших чинов, с которыми он имел постоянное, регулярное общение. Можно считать несомненным, что, когда закладывались основные камни будущей реконструкции ведомства и восстановления флота, Колчак внес свой крупный и плодотворный вклад в дело, которое ему было так дорого.

Прошло много лет. Колчака давно уже не было под шпирем, он перешел в плавающий флот. Много изменилось в морском ведомстве. Изменились резко в благоприятную сторону взаимоотношения между ведомством и Г. Думой. Давно замолкли отзвуки былой борьбы. Ведомство широко шло навстречу требованиям законодательных учреждений в деле реорганизации и реформы ведомства. Под шпирем сидели новые люди, а новые люди — новые песни. Давно отпущены были колоссальные средства морскому министерству, о которых ни оно само, ни самые пылкие его защитники, с Колчаком во главе, в 1907 году не смели даже мечтать. Работа шла полным ходом. Старые заводы, заново перестроенные, были завалены заказами, спешно строились новые заводы и верфи, флот много плавал, учился, стрелял. Ясно было, что флот усиленно готовится к войне. Да и в воздухе что то чувалось недоброе. Уже давно, со времени балканской войны 1912 года, тревожные вести доходили до нас из Берлина и Вены. Было известно, что большая программа германских вооружений спешно заканчивается, что немцы в тайне завершат ее годом раньше, чем то предполагалось, что к лету 1914 года немецкая армия будет во всеоружии. Правда, Австрия не могла поспеть за своей союзницей, ее программа должна была быть закончена лишь к концу 1917 года. Но мы то хорошо знали, каков был размах работы, шедшей у нас. Мы понимали, что отложки соседи конфликт до 1917 года — вероятно, войны не будет вовсе. Слишком рискованным предприятием стало бы тогда нападение на Россию. Никогда Россия не работала так, как в эти годы, никогда рост ее сил финансовых, экономических, культурных, особенно военных и морских, не шел такими гигантскими шагами. И с замиранием сердца мы ждали, используют ли соседи ближайšie два года нашей относительной слабости и своего временного превосходства и готовности. Ясно, что, если сами мы кое что знали о том, что делается за нашим рубежом, там то уже наверное знали превосходно все, что делалось у нас. Разведка у немцев была поставлена превосходно. И казалось невероятным, что они пропустят благоприятный момент. А если таково их решение, то и срок мирового конфликта был ясен. Что делало наше высшее правительство, мы не знали. Со смертью П. А. Столыпина порвалась связь между властью и народным представительством. Но мы знали, что грозный час, быть может, уже близок, что наступление его зависит не от нас и не от нашего правительства, что поэтому каждый из нас должен быть готов исполнить свой долг перед родиной. Знал все это прекрасно и плавающий флот, и, в особенности, командующий центр балтийского флота, адм. Эссен и его штаб. Вд на них с первых дней войны должен был обрушиться натиск далеко превосходных сил противника. В середине июня 1914 года я поехал в Ревель с целью повидать адмирала, осмотреть работы по укреплению позиций Нарген-Поркалауш, присутствовать на стрельбах флота. Я застал там приподнятое настроение. Никто не сомневался, что ближайшее будущее может

принести суровыя испытанія, что борьба, разъ она пачнется, будетъ роковой, что шансовъ уцѣлѣть въ этой борьбѣ мало, что смерть будетъ глядѣть имъ все время въ глаза. И тѣмъ не менѣе, всѣ были бодры и веселы, всѣ вѣрили въ будущее Россіи и родного флота, всѣ радостно готовились къ подвигу, на который ихъ призоветъ долгъ передъ родиной. Работа кипѣла и по подготовкѣ личнаго состава, и по подготовкѣ театра войны, и, особенно, по разработкѣ основныхъ идей возможной борьбы. Пріятно и радостно было видѣть эту дружную семью, окружающую любимаго и уважаемаго адмирала такою бодрою, такою рѣшительною, такою радостною возможностью жертвеннаго подвига. Среди этого кружка лицъ — мозга нашего балтійскаго флота — я встрѣтилъ, опять на первыхъ роляхъ, капитана 1-го ранга А. В. Колчака. Онъ работалъ больше всѣхъ, былъ душою и мозгомъ оперативнаго отдѣла штаба. И въ дружескихъ интимныхъ бесѣдахъ въ каютѣ адмирала, гдѣ разговаривали и спорили послѣ ѣды офицеры его штаба, обращаясь къ хозяину, какъ къ любимому отцу или старшему уважаемому брату, опять голосъ Колчака звучалъ наиболѣе вѣско, съ его мнѣніемъ больше всего считались, онъ опять пользовался всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Видно было, что имъ гордятся, имъ восхищаются. Эта репутація была вполне заслужена. Тутъ онъ былъ въ своей сферѣ, онъ зналъ, чего онъ хочетъ, зналъ прекрасно людей, своихъ товарищей, начальниковъ и подчиненныхъ, отлично понималъ, что отъ каждаго изъ нихъ можно ожидать. Онъ ставилъ себѣ опредѣленные, подчасъ очень смѣлыя, но всегда продуманныя цѣли, правильно оцѣнивалъ обстановку и умѣлъ настоять на выполненіи разъ поставленныхъ заданий. Онъ былъ правою рукою адмирала, его ближайшимъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ. Его роль въ періодъ подготовки балтійскаго флота къ войнѣ была громаднa.

Черезъ нѣсколько недѣль началась война. Я былъ прикованъ къ Петрограду, Колчакъ безвыходно жилъ на кораблѣ. Намъ не приходилось встрѣчаться. Но о его работѣ я зналъ, его роль въ войнѣ была мнѣ отлично извѣстна. То, что нашъ слабый матеріально флотъ съ первыхъ дней мобилизаціи все время былъ на высотѣ и на чеку, что всѣ его операціи развертывались по строго опредѣленному плану, доказывало, что тутъ нѣтъ мѣста импровизаціи, что все было предусмотрѣнно заранѣе, все продумано, все подготовлено. Чувялась большая, длительная организаціонная работа, видно было, что Эссенъ и его штабъ много и продуктивно работали. Особенно отвѣтственна была, конечно, работа оперативнаго отдѣла штаба и его вдохновителя, капитана Колчака. Затѣмъ Колчакъ всталъ во главѣ минной обороны и здѣсь опять выдвинулся. Поэтому для меня не было сюрпризомъ, когда онъ былъ назначенъ на отвѣтственный постъ командующаго Черноморскимъ флотомъ съ производствомъ въ вице-адмирала. Онъ уѣхалъ на югъ, гдѣ и оставался вплоть до революціи.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ еще разъ, правда, мелькомъ, при очень грустной обстановкѣ. Колчакъ пріѣхалъ въ Петроградъ и пришелъ въ Таврическій Дворецъ. Его едва можно было узнать. Это былъ уже другой человекъ. Исхудавшій, осунувшійся, видимо, глубоко потрясенный тѣмъ разваломъ, который разложилъ уже балтійскій флотъ и успѣлъ перекинуться въ Черное море. Все, чѣмъ онъ жилъ, надъ чѣмъ онъ работалъ, что такъ любилъ, такъ старательно создавалъ, все разомъ рухнуло, обратилось въ прахъ и разложеніе. Онъ былъ слишкомъ образованный военный морякъ, слишкомъ хорошо зналъ исторію другихъ флотовъ, слишкомъ понималъ сущность морской силы и поэтому отлично отдавалъ себѣ отчетъ, что такой сложный и тонкій организмъ, какимъ является флотъ, не можетъ выдержать, и никогда не выдерживалъ ударовъ революціонной

грёзы. Для флота революція — гибель. Я обмѣнялся съ нимъ лишь немногими фразами, мы другъ друга отлично поняли, крѣпко пожали другъ другу руку и поспѣшили разойтись.

Было слишкомъ тяжело на душѣ, какъ на похоронахъ родимой матери.
